

УДК 811.16

СПЕЦИФИКА ПРОЦЕССА ФЕМИНИЗАЦИИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

О. М. Хомицевич,
*аспирант кафедры языкознания
и лингводидактики Белорусского
государственного педагогического
университета имени Максима Танка*

Поступила в редакцию 12.02.19.

Статья посвящена изучению специфики процесса феминизации в некоторых славянских (в первую очередь, в южно- и восточнославянских) языках в сопоставительном аспекте. Каждый язык обладает своими языковыми и внеязыковыми (социокультурными, историческими и идеологическими) факторами, сдерживающими или, напротив, стимулирующими процесс феминизации. Поэтому в некоторых славянских языках данный процесс не вызывает многочисленных споров и обсуждений, в то время как в других – процесс феминизации находится в активной стадии. Регулярное употребление феминативов без стилистической окрашенности характерно для гендерно-чувствительного языка. В статье рассматривается языковая политика государства по отношению к данной разновидности языка, при этом наблюдается субъективизм социальных и научных сообществ в вопросах языковой дискриминации, что отражается на вариативности и гибкости образования и употребления системы феминативных коррелятов.

Ключевые слова: гендер, феминативные корреляты, постпатриархальные языки, языковая дискриминация, словообразовательная, синтаксическая и стилистическая феминизация, гендерно-чувствительный язык, языковая политика государства, языковая политика пуризма, маскулинизация, нормирование языка.

The article is devoted to the study of the specifics of the feminization process in some Slavic (primarily in the South and East Slavic) languages in comparative aspect. Each language has its own linguistic and extralinguistic (socio-cultural, historical and ideological) factors, which constrain or, on the contrary, stimulate the process of feminization. Therefore, in some Slavic languages this process does not cause much controversy and discussion, while in the others – the process of feminization is in its active stage. Regular consumption of feminatives without stylistic coloring is typical for gender-sensitive language. The article focuses on the state language policy in relation to this language variation, thus, there is subjectivity of social and scientific communities in the issues of linguistic discrimination, which is reflected in the variability and flexibility of the formation and the consumption of the feminine correlates system.

Keywords: gender, feminine correlates, post-patriarchal languages, linguistic discrimination, derivational, syntactic and stylistic feminization, gender-sensitive language, state language policy, language policy of purism, masculinization, language standardization.

Язык постоянно меняется под воздействием не только внутриязыковых, но и внешнеязыковых факторов. Однако меняется не только язык, но и подход к его изучению. В гуманитарных науках на современном этапе наблюдается смена научной парадигмы под влиянием постмодернистской философии, что проявляется в отказе от объективных истин, внимании к субъективному, развитии новых теорий личности, изменении новых принципов изучения категорий *этничность, возраст и пол*. В результате нового научного подхода было необходимо введение новой терминологии, что стало причиной внедрения термина «гендер» как совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выпол-

нять людям в зависимости от их биологического пола [1], а исследования, в центре которых находится гендер, стали основой для формирования нового направления в языкознании – гендерной лингвистики. Помимо гендерной лингвистики, относительно новым направлением в языкознании стала феминистская критика языка, или феминистская лингвистика, возникшая с конца 60-х гг. XX в. в языкознании в странах Запада. Это направление существует и сегодня, но в более взвешенном состоянии.

В центре внимания современных лингвистических исследований также находится явление феминизации, которое можно наблюдать во многих современных языках, что обусловлено как изменением роли женщины

UDC 811.16

SPECIFICS OF THE FEMINIZATION PROCESS IN SLAVIC LANGUAGES: COMPARATIVE ASPECT

O. Khomitsevich,
*Post-Graduate Student of the
Department of Linguistics and Linguodidactics,
Belarusian State Pedagogical University named
after Maxim Tank*

Received on 12.02.19.

Статья посвящена изучению специфики процесса феминизации в некоторых славянских (в первую очередь, в южно- и восточнославянских) языках в сопоставительном аспекте. Каждый язык обладает своими языковыми и внеязыковыми (социокультурными, историческими и идеологическими) факторами, сдерживающими или, напротив, стимулирующими процесс феминизации. Поэтому в некоторых славянских языках данный процесс не вызывает многочисленных споров и обсуждений, в то время как в других – процесс феминизации находится в активной стадии. Регулярное употребление феминативов без стилистической окрашенности характерно для гендерно-чувствительного языка. В статье рассматривается языковая политика государства по отношению к данной разновидности языка, при этом наблюдается субъективизм социальных и научных сообществ в вопросах языковой дискриминации, что отражается на вариативности и гибкости образования и употребления системы феминативных коррелятов.

Ключевые слова: гендер, феминативные корреляты, постпатриархальные языки, языковая дискриминация, словообразовательная, синтаксическая и стилистическая феминизация, гендерно-чувствительный язык, языковая политика государства, языковая политика пуризма, маскулинизация, нормирование языка.

The article is devoted to the study of the specifics of the feminization process in some Slavic (primarily in the South and East Slavic) languages in comparative aspect. Each language has its own linguistic and extralinguistic (socio-cultural, historical and ideological) factors, which constrain or, on the contrary, stimulate the process of feminization. Therefore, in some Slavic languages this process does not cause much controversy and discussion, while in the others – the process of feminization is in its active stage. Regular consumption of feminatives without stylistic coloring is typical for gender-sensitive language. The article focuses on the state language policy in relation to this language variation, thus, there is subjectivity of social and scientific communities in the issues of linguistic discrimination, which is reflected in the variability and flexibility of the formation and the consumption of the feminine correlates system.

Keywords: gender, feminine correlates, post-patriarchal languages, linguistic discrimination, derivational, syntactic and stylistic feminization, gender-sensitive language, state language policy, language policy of purism, masculinization, language standardization.

Язык постоянно меняется под воздействием не только внутриязыковых, но и внешнеязыковых факторов. Однако меняется не только язык, но и подход к его изучению. В гуманитарных науках на современном этапе наблюдается смена научной парадигмы под влиянием постмодернистской философии, что проявляется в отказе от объективных истин, внимании к субъективному, развитию новых теорий личности, изменении новых принципов изучения категорий *этничность, возраст и пол*. В результате нового научного подхода было необходимо введение новой терминологии, что стало причиной внедрения термина «гендер» как совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выпол-

нять людям в зависимости от их биологического пола [1], а исследования, в центре которых находится гендер, стали основой для формирования нового направления в языкознании – гендерной лингвистики. Помимо гендерной лингвистики, относительно новым направлением в языкознании стала феминистская критика языка, или феминистская лингвистика, возникшая с конца 60-х гг. XX в. в языкознании в странах Запада. Это направление существует и сегодня, но в более взвешенном состоянии.

В центре внимания современных лингвистических исследований также находится явление феминизации, которое можно наблюдать во многих современных языках, что обусловлено как изменением роли женщины

в обществе, так и влиянием феминистской лингвистики и языковой политики государства. Изначально термин «феминизация» употреблялся в биологии, медицине, генетике и социологии. Феминизация языка является проблемой гендерной лингвистики, которая описывает языковую специфику номинаций, связанных с названием женщины, и проявляется, в первую очередь, на лексико-словообразовательном уровне (посредством образования коррелятов женского рода от соответствующих наименований мужского рода, а также посредством метафорического переноса значения), синтаксическом (наличие маркера женского пола при согласовании) и стилистическом (феминативы лишены отрицательной коннотации и оттенка разговорности) уровнях. Исходным тезисом исследований этого направления является следующее: в языке патриархальной цивилизации лингвистическая манифестация «женского» является крайне недостаточной. Феминистская критика языка основывается на **концепции Сепира-Уорфа** (гипотезе лингвистической относительности) требование реформирования языка для преодоления заключенной в нем гендерной асимметрии, считая, что язык – в силу своего андроцентризма – навязывает говорящим на нем людям картину мира, в которой женщинам отводится подчиненная роль. В связи с этим следует отметить основные черты **гендерно-чувствительного языка** (существуют разные термины этого понятия – гендерно-нейтральный, гендерно-инклюзивный, недискриминативный, несексистский, политкорректный язык), в котором женское видение и восприятие мира не игнорируются, а последовательно выражаются:

- последовательное употребление формы женского рода для обозначения лиц по профессии, званию и должности во всех возможных случаях, при этом феминативные корреляты лишены оттенка разговорности;
- запрет на употребление формы женского рода в языке СМИ с целью выражения негативного отношения к лицу;
- избегание идентификации лица женского пола относительно статуса замужем / не замужем;
- употребление параллельных форм, относящихся и к мужчинам, и к женщинам, в обращениях, объявлениях и рекомендациях;
- употребление наименований женского рода для обозначения лиц женского пола во всех стилях речи, в частности в официально-деловом стиле;
- употребление полного имени и фамилии женщины в научных текстах и текстах СМИ.

Во многих странах Запада (в США, Канаде, Британии, Германии, Швеции, Франции, Бельгии и др.) с целью феминизации языка и преодоления дискриминации по половому призна-

ку, или сексизма, была проведена гендерно-чувствительная реформа языка. Как отмечает А. В. Толстокорова [2, с. 106], в странах Запада сегодня данная проблема практически утратила свою актуальность, в то время как в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы сейчас она начинает приобретать социальную остроту.

Процесс феминизации в славянских языках имеет свои особенности в сравнении, например, с языками германской или романской группы, поскольку многие славянские языки синтетического типа имеют развитое словоизменение (грамматическая категория рода формально выражена в окончаниях), и постпатриархатную культурную модель (по определению А. Архангельской [3, с. 1208], постпатриархатные языки – языки с четко выраженной в их системе и структуре социально и культурно обусловленной андроцентричной (маскулинной) доминантой, отражающие в их современном развитии актуальные изменения соотношения мужского и женского, а также статуса женщины в жизни общества). Помимо этого, на протяжении многих лет наименования женского рода для обозначения лиц женского пола во многих славянских языках имели сниженную коннотацию. Кроме того, важным фактором является влияние западной идеологии в области языка, языковой политики и социальной культуры, потому не удивительно, что процесс феминизации протекает в славянских языках с разной интенсивностью.

Рассмотрим социолингвистическую ситуацию в плане гендерного равенства в некоторых **южнославянских языках**: сербском, черногорском варианте сербского языка и хорватском языках.

В сербоязычных странах (не только в Республике Сербия, но и в Черногории, и Боснии, и Герцеговине) вопрос феминизации языка рассматривается по-разному. Например, в **Черногории** существуют Управление по вопросам гендерного равенства правительства Черногории (*Канцеларија за родну равноправност владе Црне Горе*), Департамент по вопросам гендерного равенства Министерства по правам человека и меньшинств Черногории (*Одјелјење за послове родне равноправности Министарства за људска и мањинка права Црне Горе*), Комитет по гендерному равенству Парламента Черногории (*Одбор за родне равноправности Скупштине Црне Горе*), а правительство Черногории приняло Закон о гендерном равенстве в 2010 г. (*Закон о родној равноправности*), согласно которому употребление названий женского рода для обозначения лиц женского пола является обязательным, а за его нарушение предусмотрены штрафы. Департамент по вопросам гендерного равенства Министерства по правам человека и меньшинств Черногории

издал Регистр названий профессий, званий и титулов (*Registar zanimanja, zvanja i titula žena*) [4], в котором указаны наименования мужского рода и коррелятивные наименования женского рода с возможными вариантами. Однако не все лингвисты Черногории поддерживают гендерно-чувствительный язык («*родно-сензитивни језик*»), поскольку наименования лиц мужского рода являются нейтральными, немаркированными с точки зрения пола и потому не могут быть подтверждением языковой дискриминации. Драга Бойович, доктор наук, профессор филологического факультета Университета Черногории, подчеркивает, что «злоупотребление языком» для соблюдения прав представляет своего рода насилие и над языком, и над правом [5].

В сербском языке вопрос феминизации на протяжении многих лет является камнем преткновения для многих лингвистов, и до сих пор не найдено однозначного решения этой проблемы. Сербский языковед, профессор Белградского университета, доктор филологических наук Предраг Пипер считает, что феминизация языка является насилием над языком, вмешательством в его естественное развитие, а полное грамматическое гендерное равенство нереально и не нужно [6, с. 152]. Поэтому следует, по его мнению, наблюдать, описывать и объяснять явления, возникшие в языке, а не выдумывать их. В сербском языке уже существуют наименования лиц женского рода, так называемые феминативы, их количество постоянно увеличивается, некоторые феминативы стилистически нейтральны (например, *продавачица*) или с оттенком разговорности (например, *докторка*), некоторые используются с целью соблюдения политкорректности (например, *психологиња*), и не стоит требовать образования от каждого наименования лица формы женского рода. Профессор Пипер подчеркивает, что процесс феминизации продиктован внелингвистическими факторами: не только соблюдением политкорректности, но и отвлечением от действительно насущных проблем.

Сербская исследовательница Йованка Радич в своей статье [7] пытается разобраться, что означает «последовательная феминизация» языка: осознание равноправности полов или путь к ментальной деградации. Она акцентирует внимание на том факте, что феминизация языка, то есть последовательное употребление наименований званий, должностей и профессий в форме женского рода для обозначения лиц женского пола, является речевым нарушением, которое проявляется в симптомах нарушения подобия. Женские наименования лиц образуются, как правило, от соответствующих наименований мужского рода путем мовирования. Сербский языковед

Божо Чорич указывал, что в категории лица различия по семантическому признаку «мужское – женское» могут быть невыраженными (например, *вођа, борац, сведок*) и выраженными по принципу так называемых эквивалентных оппозиций (например, *мушкарац – жена*) и по принципу так называемых привативных оппозиций (например, *жена – човек, учитељица – учитељ*) [8]. Для привативных оппозиций характерны отношения включения, а в привативных парах один член оппозиции выступает как общее название для лиц определенного рода (в логическом смысле). Как правило, это наименование мужского рода, в котором указание на пол лица отсутствует. Таким образом, в сербском языке мужской род обладает общей, генерализирующей функцией, но возникает вопрос: когда стоит употреблять существительные мужского рода, а когда – женского рода. Представители феминистического направления в лингвистике предлагают всегда использовать наименование женского рода для обозначения лица женского пола, невзирая на звучание и стилистическое функционирование лексемы. Но с точки зрения Йованки Радич [7, с. 77], последовательная феминизация языка, которая проявляется в отсутствии выбора без учета коммуникативной ситуации, является речевым нарушением (афазией), ведущим к ментальной деградации, поскольку намеренное вмешательство в естественное развитие языка может привести к нарушению в развитии мышления поколений.

В то же время представители, точнее, представительницы феминистской лингвистики утверждают, что последовательное употребление наименований женского рода для обозначения лиц женского пола, помимо социальной составляющей, имеет ряд преимуществ: а) вносит семантическую точность (*Министарка је изјавила ...* вместо *Министар је изјавио ...*, имея в виду женщину); б) способствует речевой экономии (согласно Стандартизации сербского языка, правильно использовать глагол в форме женского рода при указании имени и фамилии лица: *Министар Соња Влаховић је изјавила ...*, а в гендерно-чувствительном языке – *Министарка је изјавила ...*). Однако следует отметить, что одним из требований гендерно-чувствительного языка является использование параллельных форм, касающихся мужчин и женщин: *Molimo građane i građanke da se odazovu pozivu... Obavještavamo studente/studentkinje da je rok za prijavu...*, что не приводит к речевой экономии. В юридических документах рекомендуется использовать обе формы в начале текста, а затем далее в тексте – только форму мужского рода, чтобы не утяжелять документ.

Свенка Савич, родоначальница феминистской лингвистики в сербском языке, провела

психолінгвістическе исследование [9], изучив корпус текстов СМИ. В результате исследовательница сделала вывод, что в сербском языке при описании лиц женского пола для обозначения должностей менее престижных и менее оплачиваемых используется форма женского рода, а для обозначения должностей более престижных – форма мужского рода.

Последовательную феминизацию сербского языка многие лингвисты называют постепенной хорватизацией, поскольку в хорватском языке уже была проведена языковая политика по феминизации языка и наименования лиц женского рода употребляются регулярно в разных функциональных стилях речи без отрицательной коннотации.

Несмотря на многочисленные дебаты, лингвисты не пришли к единой точке зрения, однако Комитет по стандартизации сербского языка (*Одбор за стандардизацију српског језика*) Сербской академии наук и искусств (*Српске академије наука и уметности*) предписывает следующее [10]: грамматический мужской род наименований лиц по профессии, должности и т. п. подразумевает мужской или женский пол лица, которое обозначает, то есть используется в генерической функции, что прописано и в Законе о равноправии полов (*Закон о равноправности полова*, 2009). При этом мужской род в генерической функции не выражает дискриминацию по отношению к женщинам, а подразумевает одинаковую социальную ценность мужчин и женщин. Также равноправие зависит не от употребления определенных грамматических категорий, а от контекста, соответственно от значения всего текста. При необходимости указания на лица женского пола следует использовать и другие средства, например, личное имя и фамилию. Параллельные формы мужского и женского рода не следует употреблять, поскольку они утяжеляют предложение: например, *Сви присутни/присутне на овој прослави били/биле су недвосмислено разочарани/разочаране*. Таким образом, согласно решению Комитета по стандартизации сербского языка, нормирование языка должно регулироваться в первую очередь существующими нормами языка, а не языковой политикой.

В современном хорватском языке, согласно Закону о равноправии полов (*Закон о равноправности полова*, новая редакция 2017), в дипломах, аттестатах (сертификатах), лицензиях следует указывать квалификации, звания и профессии в женском или мужском роде в зависимости от пола лица. Правительство Республики Хорватия назначило Комитет по соблюдению равноправия полов (*Ured za ravnoправnost spolova*) и независимый орган по предотвращению дискриминации в области равноправия полов (*Neovisno tijelo za suzbijanje*

diskriminacije u području ravnopravnosti spolova), чью деятельность осуществляет адвокат по соблюдению равноправия полов (*pravobranitelj/ica za ravnopravnost spolova*). Однако реформа языка не была принята сразу. Согласно исследованиям, проведенным адвокатом по соблюдению равноправия полов в 2014 г., только 54 % высших учебных заведений в документах использовали наименования квалификаций, званий и профессий в соответствующем роде, что вызвало новую волну феминизации языка и употребления гендерно-чувствительного языка (*uporaba rodno osjetljivog jezika*). На современном этапе в хорватском языке коррелятивные существительные женского рода образуются практически от всех существительных мужского рода (например, *sudija* 'судья' – *sutkinja*, *gradonačelnik* 'мэр города' – *gradonačelnica*). Гендерно-чувствительные языковые стандарты присутствуют в Законе об академических и профессиональных названиях и академических степенях (*Zakon o akademskim i stručnim nazivima i akademskom stupnju*), Национальной классификации профессий (*Nacionalna klasifikacija zanimanja*), Интегрированном списке профессиональных названий и их карточек (*Integrirani popis stručnih naziva i njihovih kartica*). Однако в законодательстве Республики Хорватия широко используется положение о родовой нейтральности наименований, выражений и словосочетаний, согласно которому употребление наименований мужского рода допустимо и к лицам мужского, и к лицам женского пола. Таким образом был достигнут компромисс между гендерно-нечувствительным и гендерно-чувствительным языком. Если речь идет о профессии в общем значении без указания на конкретное лицо, следует использовать мужской род в генерической функции, однако если упоминается конкретное лицо женского пола, следует использовать наименование в женском роде, даже в официально-деловом стиле [11].

Теперь рассмотрим социолінгвістическу ситуацію в плані гендерного рівенства в чеськом языкe.

Как отмечает Г. П. Нецименко [12, с. 16], **в современном чешском языке** последовательное употребление парных феминативов характерно не только для повседневной непринужденной речи, но и для литературного узуса, что в полной мере распространяется и на обозначения женщин, занимающих статусное положение: *akademička*, *profesorka*, *docentka*, *prezidentka* и др. Формированию литературной нормы предшествовали дискуссии в лингвистической печати. Освещение спорных вопросов можно найти на страницах журнала «*Naše řeč*». В настоящее время вызывает вопросы добавление к иностранным фамилиям женщин финали -ová, свойственной чеш-

ским женским фамилиям, роль которой – свидетельствовать о принадлежности женщины родителям или мужу.

Рассмотрим социолингвистическую ситуацию в **восточнославянских языках**: украинском, белорусском и русском.

Одним из мощных факторов, стимулирующих процессы феминизации в **современном украинском языке**, является влияние национально-языкового пуризма. Этот фактор расположен на границе внеязыковых и языковых стимулов феминизации: с одной стороны, он обусловлен существенными изменениями национального самосознания украинцев в контексте государственной независимости, с другой – опирается на убеждение части украинских исследователей в том, что именно диктат соседнего русского языка и давление его нормы в советское время сдерживал феминизационные процессы в женском лексиконе украинцев [13, с. 137]. Феминизация мужских наименований провозглашается одним из направлений национально-языкового возрождения в контексте «украинизации» женского лексикона.

В то же время в украинском языке можно наблюдать собственно языковые и внеязыковые сдерживающие факторы, такие как значительный консерватизм коллектива говорящих, привыкших обозначать женщину мужским наименованием, которое имеет в языке более высокий «статус», а также отсутствие «социального заказа» на женские наименования лиц.

Тем не менее феминизация мужских наименований в украинском языковом сообществе набирает силы под влиянием общих для европейского пространства активных процессов развития языков новейшего времени и идей национально-языкового возрождения. При этом первостепенным становится исключение влияния нормы русского языка и использование собственных языковых ресурсов.

Процесс феминизации в **современном русском языке** вызывает множество споров и обсуждений как среди лингвистов, так и в широкой общественности. Особенно часто в обсуждениях затрагиваются вопросы благозвучия новообразованных феминативов (эстетический аспект), механизмов и правил образования форм женского рода (словообразовательный аспект), а также обоснованности и целесообразности их использования (стилистический аспект). Среди собственно языковых сдерживающих факторов можно назвать генерализирующую функцию наименования в мужском роде и его обобщающий характер; фонетико-структурные особенности производящей основы мужского наименования, порождающие неблагозвучные сочетания на стыке морфем (например, *филолог*, *холерик*); семантическую, прагматическую и стилистическую неравнозначность мужского и женского

наименования (*директор* – *директорша* ‘супруга директора’), их стилистическую «нагруженность» (*бизнесмен* – *бизнесменша*); потенциальный конфликт омонимов (*матрос* ‘моряк, не принадлежащий к командному составу’ – *матроска* ‘форменная верхняя одежда матроса’); влияние норм книжных стилей, главным образом официально-делового, где пол лица как специалиста в какой-либо сфере не имеет актуального значения. Процесс феминизации в современном русском языке не является стремительным, а новообразования для обозначения лиц женского пола, зафиксированные в Национальном корпусе русского языка, представляют собой примеры фактического употребления в живой разговорной и художественной речи, а не предписанные нормы, отраженные в официальных словарях.

В **современном белорусском языке** имеет место влияние национально-языкового пуризма, направленного на переоценку лексических, в том числе словообразовательных, изменений прошедшего периода. Как отмечает белорусский ученый А. А. Лукашанец, пуризм имеет характер отталкивания от русского языка, сохранения национальной специфики и развития внутренних возможностей [14, с. 48]. Образование наименований лиц женского рода от соответствующих мужских наименований – одно из проявлений подобного языкового отталкивания. Как отмечает в своей книге переводчик и исследователь В. Гарбацкий, «...белорусская мова заўсёды фэмінізавала і працягвае фэмінізаваць *Nomina agentis* і іншыя жаночыя намінацыі... Нядаўна мова адкрылася і пачала неафіцыйна для аднаго стандарту, афіцыйна для другога фэмінізаваць агентывы тыпу *канцлер* – *канцлерка*, *япіскап* – *япіскапка*, *сьвятар* – *сьвятарка*, *прэзыдэнт* – *прэзыдэнтка*, *акадэмік* – *акадэмія* ... і г. д.» [15, с. 16].

Таким образом, у каждого языка есть свои правила и традиции, выработанные историей его развития, а культурно-языковая традиция обусловлена определенными лингвистическими и внелингвистическими факторами. В некоторых славянских языках (например, в чешском и хорватском) процесс феминизации практически завершен и не вызывает многочисленных споров и обсуждений, в то время как в других славянских языках (например, в украинском и белорусском) процесс феминизации находится в активной стадии и проявляется в отталкивании от другого языка (проявление национально-языкового пуризма). Например, по мнению А. Архангельской, в современном украинском языковом пространстве наблюдается мощное усиление тенденции (как «научного», так и «наивного» характера) ко всеобщему «отталкиванию» от русского языка, призыву «ломать традицию», что характеризует не столько полюс украинского языка, сколько

состояние общественного сознания в его стремлении к сохранению национальной идентичности [3, с. 1216]. В современном белорусском языке импульс к отдалению от русского языка носит избирательный и более созидательный характер. В современном сербском языке языковая политика, наоборот, не кодифицирует употребление феминативов в письменной речи, что связано не только с языковыми факторами, но и с внеязыковыми (противостояние тенденции хорватизации). В русском и польском языках феминативы также не упо-

требительны в официально-деловом и научном стилях, в то время как в языке СМИ формы женского рода используются регулярно. Также наблюдается явление маскулинизации, то есть использование наименований мужского рода для обозначения лиц женского пола, что связано с отсутствием коннотации у подобных наименований и определенной статусности. Язык как постоянно развивающаяся система реагирует на лингвистические и социолингвистические факторы, и явление феминизации языка тому подтверждение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой // Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». – М. : Информатива XXI век, 2002. – 256 с.
2. Толстокорова, А. Гендерно-чувствительная реформа языка как элемент глобальной социальной политики: опыт международного женского движения / А. Толстокорова // The Journal of Social Policy Studies – 2010. – 3 (1) – P. 87–110.
3. Архангельская, А. Феминизация женского лексикона в современном украинском языке и проблемы гендерного равновесия / А. Архангельская // idil, 2018, cilt / volume 7, sayı / issue 50. – С. 1207–1219.
4. Registar zanimanja, zvanja i titula žena / Autorka: Sanja Mijušković. Izdavač: Ministarstvo za ljudska i manjinska prava, Odjeljenje za poslove rodne ravnopravnosti. Cetinje, 2013. – 55 s.
5. Бојовић, Д. Српски језик између истине и обмане: (социо)лингвистичка анализа стања у Црној Гори / Д. Бојовић, Ј. Стојановић. – Београд : Јасен, 2006. – 161 с.
6. Пипер, П. О граматикализацији сербских феминативов / П. Пипер // Лингвистичка славистика. Студије и чланци. – Београд: Славистичко друштво Србије, 2014. – С. 145–158.
7. Радић, Ј. Доследна «феминизација»: испољавање свести о равноправности полова или пут у менталну деградацију / Ј. Радић // Филолог, бр. 8, год. IV. – 2013. – С. 25–36.
8. Ћорић, Б. Моционски суфикси у српскохрватском језику / Б. Ћорић. – Београд : Филолошки факултет, 1982. – 174 с.
9. Savić, S. Žena sakrivena jezikom medija: kodeks neseksističke upotrebe jezika / S. Savić. – Novi Sad, Futura publikacije, 2004. – 48 s.
10. Одлука бр. 60 Одбора за стандардизацију српског језика САНУ. 24.02.2011. год.
11. Babić, S. Hrvatski jezik, zakonodavstvo i ravnopravnost spolova / S. Babić // Jezik, br. 3 (lipanj). – Zagreb: Hrvatsko filološko društvo, 2006. – S. 81–87.

REFERENCES

1. Slovar gendernykh terminov / pod red. A. A. Denisovoy // Regionalnaya obshchestvennaya organizatsiya "Vostok-Zapad: Zhenskiye Innovatsionnyye Proekty". – M. : Informatsiya XXI vek, 2002. – 256 s.
2. Tolstokorova, A. Genderno-chuvstvitelnaya reforma yazyka kak element globalnoy sotsialnoy politiki: opyt mezhdunarodnogo zhenskogo dvizheniya / A. Tolstokorova // The Journal of Social Policy Studies – 2010. – 3 (1) – P. 87–110.
3. Arkhangel'skaya, A. Feminizatsiya zhenskogo leksikona v sovremennom ukrainskom yazyke i problemy gender-nogo ravnovesiya / A. Arkhangel'skaya // idil, 2018, cilt / volume 7, say / issue 50. – S. 1207–1219.
4. Registar zanimanja, zvanja i titula žena / Autorka: Sanja Mijušković. Izdavač: Ministarstvo za ljudska i manjinska prava, Odjeljenje za poslove rodne ravnopravnosti. – Cetinje, 2013. – 55 s.
5. Bojović, D. Srpski jezik između istine i obmane: (sotsio) lingvistička analiza stanja u Tsrnoj Gori / D. Bojović, J. Stojanović. – Beograd : Jasen, 2006. – 161 s.
6. Piper, P. O grammatikalizatsii serbskikh feminativov / P. Piper // Lingvistička slavistika. Studije i članci. – Beograd: Slavističko društvo Srbije, 2014. – С. 145–158.
7. Radić, J. Dоследna "feminizatsija": ispoljavanje svesti o ravnopravnosti polova ili put u mentalnu degradatsiju / J. Radić // Filolog, br. 8, god. IV. – 2013. – S. 25–36.
8. Ćorić, B. Motsioni sufixi u srpskohrvatskom jeziku / B. Ćorić. – Beograd : Filološki fakultet, 1982. – 174 s.
9. Savić, S. Žena sakrivena jezikom medija: kodeks neseksističke upotrebe jezika / S. Savić. – Novi Sad, Futura publikacije, 2004. – 48 s.
10. Odluka br. 60 Odbora za standardizatsiju srpskog jezika SANU. 24.02.2011. god.
11. Babić, S. Hrvatski jezik, zakonodavstvo i ravnopravnost spolova / S. Babić // Jezik, br. 3 (lipanj). – Zagreb: Hrvatsko filološko društvo, 2006. – S. 81–87.

12. *Нещименко, Г. П.* Существительные женского рода со значением лица в русском и чешском языке: тенденции развития / Г. П. Нещименко // Язык, сознание, коммуникация : сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Григорьевны Широковой / ред. кол.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М. : МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – С. 10–25.
13. *Нелюба, А. М.* Гендерна лінгвістика і малопродуктивні словотворчі засоби / А. М. Нелюба // Лінгвістика. – 2011. – 1(22), II. – С. 135–142.
14. *Лукашанец, А. А.* Языковой пуризм как фактор развития словообразовательной системы / А. А. Лукашанец // Доклады XI Междунар. науч. конф. Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов «Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование». – М. : Макс Пресс, 2010. – С. 37–49.
15. *Гарбацкі, У.* Гід па фэмінізацыі беларускай мовы (Nomina agentis і некаторых іншых асабовых намінацыяў) / У. Гарбацкі. – Вільня, 2016. – 143 с.
12. *Neshchimenko, G. P.* Sushchestvitelnyye zhenskogo roda so znacheniyem litsa v russkom i cheshskom yazyke: tendentsii razvitiya / G. P. Neshchimenko // Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya : sb. nauchnykh statey, posvyashchennyy pamyati zasluzhennogo professora MGU Aleksandry Grigoryevny Shirokovoy / red. kol.: V. V. Krasnykh, A. I. Izotov, V. G. Kulpina. – M. : MAKS Press, 2009. – Vyp. 38. – S. 10–25.
13. *Nelyuba, A. M.* Genderna lingvistyka i maloproduktyvni slovotvorchi zasoby / A. M. Nelyuba // Lingvistyka. – 2011. – 1(22), II. – S. 135–142.
14. *Lukashanets, A. A.* Yazykovoy purizm kak faktor razvitiya slovoobrazovatelnoy sistemy / A. A. Lukashanets // Doklady XI Mezhdunar. nauch. konf. Komissii po slavyanskomu slovoobrazovaniyu pri Mezhdunarodnom komitete slavistov "Novyye yavleniya v slavyanskom slovoobrazovanii: sistema i funktsionirovaniye". – M. : Maks Press, 2010. – S. 37–49.
15. *Garbatski, U.* Gid pa feminizatsyi belaruskay movy (Nomina agentis i nekatorykh inshykh asabovykh naminatsyyaŭ) / U. Garbatski. – Vilnya, 2016. – 143 s.

Державний архів